

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ В АРМЕНИИ (1988–2018)

Аннотация

В статье постулируется, что для понимания трансформации гражданской идентичности в Армении за годы независимости важное значение имеет исследование социально-психологического контекста протестных движений на различных этапах их развертывания. Движение за независимость протекало на фоне пробуждения национального самосознания и стремления демократизации общественной жизни. Затем в условиях формирования авторитарных форм властвования развернулись протестные движения, возглавляемые политическими партиями. Наконец, в контексте падения доверия к политическим институтам в массовом сознании и отчуждения общества от публичной политики развернулись акции гражданского протеста, как проявление формирующегося гражданского общества, завершившиеся «бархатной революцией».

Ключевые слова: протестные движения, политический протест, гражданский протест, гражданская идентичность, социально-психологический контекст протестных движений, гражданское общество.

Автор

Саргсян Давид Оганесович

Студент Института права и политики
Российско-Армянского университета
(Ереван, Армения)

В современном мире происходит актуализация протестных движений — массовые протесты детерминируются как серьезными общественно-политическими, так и проблемами быденного характера (например, повышением цен на транспорт или на коммунальные услуги) и развертываются как в отсталых, так и в наиболее развитых странах. Есть точка зрения, что рост протестных настроений связан с атомизацией общества и распространением ценностей постмодерна. Но необходимо признать, что протест, особенно в условиях демократии, является естественным явлением, а право на протест — естественным правом. Хотя государство как институт

публичной политики и декларирует, что защищает интересы всего общества, но всегда есть группы, которые считают, что их интересы ущемлены. В этом контексте, с одной стороны, актуален вопрос о правовых основаниях протестных движений, а с другой — о допустимых пределах протестов, грозящих трансформировать общественный порядок в хаос.

Необходимо отметить, что, хотя нет отдельного целостного исследования протестных движений в Армении, но их некоторые аспекты становились предметом изучения [5]. Есть также исследования, посвященные конкретным акциям протеста, например, движению в поддержку группы «Сасна црер» [6].

Большой резонанс в научном сообществе вызвала «бархатная революция» [1,7]. Необходимо признать, что многие оценки были достаточно категоричны и эмоционально окрашены. Часто исследователи либо искусственно подводили движения под определенные теоретические схемы, либо ограничивались их описанием без выявления их глубинной детерминации.

Очевидно, что протестные движения в Армении нуждаются в дальнейшем научном исследовании. Более того, необходимо осветить разные аспекты их детерминации, чтобы восстановить все многообразие того контекста, в котором протекали эти процессы. С методологической точки зрения интересно рассмотреть протестных движений сквозь призму трансформации политической и гражданской идентичности.

Модель армянской идентичности, сформировавшуюся еще в V-VI вв., иногда называют моделью «культурной нации», которая предполагала развитие армянской нации и в условиях отсутствия собственной государственности [4]. Долгие века отсутствия армянской государственности, что означало включение армянства как на исторической родине, так и в разных общинах диаспоры в разные государственные образования, препятствовали формированию модели «гражданской нации». Армянская государственность была восстановлена только в 1918 г. Но Первая армянская республика просуществовала только два с половиной года. Затем Армения была включена в состав СССР, получив в дальнейшем статус союзной республики.

Считаем, что аспект трансформации идентичности армянства (хотя бы той ее части, которая проживала в Армянской ССР) в советский период мало исследован. На наш взгляд, в рамках советского проекта шел интересный процесс совмещения наднационального и этнонационального: с одной стороны, декларировался процесс фор-

мирования единого советского народа, с другой, в республиках интенсивно шел процесс этнического национализма. В любом случае наличие некоторых элементов государственности в рамках СССР в определенной степени повлияло на процесс формирования гражданской культуры армянства.

В данной статье мы основываемся на том постулате, что на процесс общественных трансформаций первоочередное влияние оказали различные протестные движения, развертывавшиеся в Армении с 1988 по 2018 г. Нашей же исследовательской задачей является выявление некоторых аспектов социально-психологического контекста трансформации гражданской идентичности на разных этапах развертывания протестных движений.

Первый этап: от карабахского движения и требований демократизации к движению за независимость (1988–1991)

При исследовании процессов в независимой Армении за исходную точку необходимо принять 1988 г. В феврале этого года началось карабахское движение. Развернулось невиданное в СССР по своему размаху массовое движение. Первоначально это был даже не протест, а движение в поддержку воссоединения Нагорного Карабаха с Арменией. Данное движение иногда характеризуют как пробуждение национального самосознания. Но интересно то, что происходило также пробуждение гражданского самосознания. Не случайно, что выдвигались также требования демократизации общественной жизни. Это были годы перестройки, были провозглашены лозунги демократизации и гласности. Общество поверило в них. Социально-психологический контекст данного процесса можно назвать «воодушевленным доверием» на фоне пробуждения гражданского и этнонационального самосознания. Ярким про-

явлением этого является то, что люди приходили на многотысячные митинги как с национальными символами, так и символами советского государства, как с портретами национальных деятелей, так и руководства СССР. Примечательно также то, что лидеры и участники движения в своих действиях оставались строго в рамках советских законов. Но погромы в Сумгаите, а в дальнейшем и в других районах Азербайджана, и неадекватная реакция советского руководства на них постепенно стали трансформировать движение в протест. Не случайно, что вскоре движение декларирует своей главной целью достижение независимости.

В итоге в структуре общественного сознания, на наш взгляд, произошел частичный крен от гражданских ценностей в сторону национализма, что в дальнейшем в целом скажется на развитии армянского общества и армянской государственности. Начало военных действий в Карабахе, а также на границе с Азербайджаном между армянскими и азербайджанскими силами только способствовало этому процессу.

Второй этап: война и социально-экономический коллапс (1991–1995)

21 сентября 1991 г. в результате общенародного референдума Армения была провозглашена независимой республикой. Казалось, что после формирования независимой Республики Армения процесс развития и трансформации гражданского сознания станет более интенсивным. Но этот процесс в дальнейшем был, по существу, свернут, что имело свои причины. Во-первых, состояние войны с Азербайджаном и блокада со стороны Турции и Азербайджана требовали концентрации власти в одном месте, создавая почву для формирования авторитарных форм владения. В подобных условиях необходимость гражданской социализации ушла на второй план. Во-вторых, распад СССР, как мы уже отмечали, способ-

ствовал расцвету этнонационализма, который в отличие от некоторых других постсоветских республик, в Армении не проявился в агрессивной форме. Но в условиях даже «мягкого» армянского национализма развитие гражданского сознания было не перспективным. В-третьих, армянство, по существу, продолжало рассматриваться, скорее, как культурно-конфессиональное образование, что выражалось, на наш взгляд, скрытым конфликтом между традиционными культурно-цивилизационными и гражданскими ценностями.

Государство постепенно отчуждалось от общества, формировались новые элиты со своими правилами игры. Социально-психологический же фон определялся, с одной стороны, карабахской войной, которая рассматривалась как битва за существование, а с другой, тяжелейшей социально-экономической ситуацией в стране (полный крах экономики, отсутствие газа, электричества и т.д.). Все это оставило свой неизгладимый след на массовой психологии армянского общества, которое эти тяжелые годы до сих пор с содроганием называет темными и холодными.

Третий этап: процесс отчуждения от государства и публичной политики (1996–2008)

В годы карабахской войны протестная активность общества убавилась, ибо общество мобилизовало свои силы для решения внешней экзистенциальной угрозы, но сразу же после победы в этой войне она стала развертываться с новой силой. Протесты, направленные против формирующейся авторитарной власти, развернувшиеся в Армении с середины 90-х гг. XX в., концентрировались вокруг оппозиционных партий. Хотя необходимо признать, что поддержка со стороны масс этих партий и их лидеров была обусловлена не столько их конструктивными программами, сколько массовым неприятием

наличной власти. Сами же партии воспринимались персонифицированно — не столько их политическая программа, тем более идеологические ценности определяли массовую поддержку их деятельности, сколько позитивное восприятие персоны лидера партии, в которого верили и с кем связывали надежды. Накопившаяся негативная энергия иногда приводила к столкновениям с силами правопорядка, которые применяли насилие и разгоняли акции протеста (например, после президентских выборов 1996 г.). Оппозиционные же партии (а скорее, их лидеры), как правило, шли на компромисс с властью. Массовое разочарование их деятельностью постепенно привело к резкому снижению доверия в общественном сознании к политическим партиям и публичным политическим деятелям [3].

Чрезмерно негативное воздействие на общественное сознание оказал теракт в Национальном собрании Армении 27 октября 1999 г., в результате которого погибли премьер-министр, председатель парламента и др. Можно сказать, что общество оказалось в состоянии глубокой массовой депрессии, потеряв последнюю надежду достойного развития.

Последним актом консолидации оппозиционных политических сил и протестующих масс были акции протеста после президентских выборов — 2008. Но разгон данных акций с применением насилия, в результате чего погибли 10 человек, стал последней каплей в процессе отчуждения масс уже не только от политических партий, но и от официальных общественно-политических институтов в целом. Уровень доверия к ним также резко упал [3]. Из всей совокупности институтов в общественном сознании достаточный уровень доверия имели в тот момент армия и церковь. Армия в современном армянском общественном дискурсе занимала (и занимает) особое место, ибо в наличных геополитических условиях и угрозах безопасности воспринима-

лась как гарант существования армянской государственности. Авторитет же Армянской церкви хотя продолжал оставаться достаточно высоким, но все же намечалась тенденция падения доверия и к ней, что, с одной стороны, можно считать еще одним следствием кризиса модели «культурно-конфессиональной нации», а, с другой, следствием позиции церковных элит, которые своим авторитетом, по существу, пытались легитимизировать нелегитимную с точки зрения граждан государственную власть.

Таким образом, социально-психологический фон данного этапа определялся в основном своеобразным сдвигом в общественном сознании общества, состоявшем в постепенном отчуждении от публичной политики и ее институтов: сначала — от государства, а затем — и от политических партий.

Четвертый этап: период акций спонтанного гражданского протеста (2012–2018)

Протестные движения, возглавляемые политическими партиями, сменились акциями спонтанного гражданского протеста. Начиная с 2012 г., в Республике Армения разворачиваются протестные движения, которые воспринимаются как признак формирования гражданского общества. Сначала было движение против вырубки деревьев в «студенческом парке» и «парке Маштоца», затем акции против повышения цен на транспорт и новой системы отчислений в пенсионные фонды и др. Наиболее мощный резонанс имело движение против повышения тарифов на электроэнергию («электрик Ереван»). Данные движения характеризовались спонтанной самоорганизацией и даже осознанным дистанцированием от политических партий. Лидерами же движений становились не профессионалы-политики, а малоизвестные гражданские активисты. Следует добавить также, что данные движения

выделялись исключительно мирными, ненасильственными формами борьбы и акциями гражданского неповиновения.

На развитие процессов в Армении оказала влияние четырехдневная апрельская война 2016 г. Она обнажила различные наличные проблемы, в том числе в сфере внешней безопасности, потребностями обеспечения которой легитимизировалось большинство упущений и недостатков внутренней политики. Недовольство общества и протестный потенциал достигли критического уровня. Не случайно, что следующая протестная акция в принципе вышла за рамки рациональной детерминации. Безвыходность положения заставила общество делать иррациональные, в целом не присущие армянскому менталитету действия. Общество организовало массовые акции в поддержку группы «Сасна црер», которая захватила здание полицейского участка в Ереване. Полицейские оказались в заложниках, несколько человек погибло. Поддержка обществом этой акции, свидетельствует о том, что отчуждение между государством и обществом достигло предела.

Пятый этап: «бархатная революция» (март — май 2018 г.)

Весной 2018 г. началась новая акция протеста, возглавляемая лидером оппозиционной парламентской фракции «Елк» Н. Пашиняном, которая была поддержана широкими народными массами. Следует отметить, что методы борьбы были снова ненасильственными, выражаясь в разных формах гражданского неповиновения. Необходимо отметить, что массовые протесты весной 2018 г. выделялись высочайшим уровнем национального единства: в них принимали участие представители всех социальных слоев и всех возрастных групп. В результате произошла смена власти. Сам же процесс назвали «бархатной революцией».

Анализ «бархатной революции» интересен с точки зрения выявления некоторых социально-психологических аспектов и механизмов воздействия на массовое сознание. Как известно, «при определенных обстоятельствах сам образ лидера становится важным элементом формирования и воспроизводства групповой идентичности, центром, организующим общность, и приобретает сакральные функции» [2. — С. 24–25], при этом «внушение в процессе массовой политической коммуникации может осуществляться с опорой на личности-символы» [2. — С. 69]. Лидер «бархатной революции» Н. Пашинян в своем арсенале использовал символические образы как национальных деятелей (например, М. Мелконяна), так и других (М. Ганди, Н. Мандела). Армянский политолог А. Искандарян считает, что «персонификация была стратегией протестов весны 2018 года», объясняя это особенностью армянского менталитета персонифицированно воспринимать политику. По его мнению, персонифицировалось также то, против чего выступил Пашинян: символом всех проблем и неудач, «олицетворением зла» стал представляться С. Саркисян [8. — С. 479]. В данном случае сработал также тезис, что «для идентификации с общностью, воспринимаемой как «мы», существенное значение имеют «они» — враги и недоброжелатели...», в результате чего враг также «индивидуализируется и приобретает символический смысл...» [2. — С. 25–26].

В целом негативные лозунги действительно были залогом успеха кампании. Как пишет А. Искандарян: «Любая позитивная программа может работать против протестующих, будь то левых или правых, пророссийских или прозападных, у всех позитивных лозунгов есть свои сторонники и противники. Однако никто не поддерживает коррупцию и никто не против честных выборов; чем проще дихотомия, тем шире поддержка» [8. — С. 478].

Армянский опыт протестных движений должен быть поучителен для всех правящих элит, которые не осмысливают того, что «...сегодня даже краткосрочное планирование в политике невозможно без учета существующих и прогнозируемых массовых настроений» [2. — С. 140]. Факт отрыва от массовой психологии, отсутствие должного внимания к исследованию реальных массовых настроений может иметь катастрофические последствия для правящих элит. И наоборот, осмысление реального уровня развития гражданского и политического сознания общества и построение действий в соответствии с этим становится залогом успеха оппозиционных сил.

Постпротестный период: конструктивный гражданский консенсус или угроза перманентного протеста?

Хотя протесты 2018 г. завершились сменой власти, но после этого армянское общество не стало безпротестным. Более того, в массовом сознании укоренилось, что наличные проблемы (даже обыденно-жизненные) можно решить методами гражданского протеста, что порождает угрозу перманентного протеста, в условиях которого трудно развернуть долгосрочные конструктивные программы. Н. Пашиян и его команда пришли к власти с громадным заделом легитимности. Казалось, что, наконец, состоялся консенсус как внутри самого общества, так и между гражданским обществом и государством. Но насколько данный консенсус основывается на рациональных основаниях, например, на идеологических постулатах и ценностях, и насколько — на вере в лидера

революции? В условиях достаточно низкого уровня развития гражданской культуры могут сформироваться основы для нового авторитаризма. Произойдет ли это, зависит в первую очередь от того как новая властная элита, большая часть представителей которой еще недавно были гражданскими активистами, построит свое отношение к обществу — сугубо как к объекту властвования или как к равноправному партнеру.

Таким образом, анализ развития армянской государственности и армянского общества за последние тридцать лет позволяет утверждать, что важным фактором, воздействующим на это развитие, были разнообразные протестные движения, которые мы рассматриваем как проявление спонтанной трансформации гражданской идентичности общества. Каждый этап протестных движений и трансформации гражданской идентичности развертывался в определенном социально-психологическом контексте. Если карабахское движение развернулось в контексте пробуждения национального сознания, то борьба за демократизацию и независимость протекали на фоне зарождения элементов гражданского сознания. Но уже в первые годы независимости проявилась тенденция постепенного отчуждения друг от друга государства и гражданского общества. В общественном сознании постепенно росло недоверие не только к государству, но и к институтам публичной политики в целом, а результатом психологического отчуждения от них стали перманентные акции спонтанного гражданского протеста, в итоге завершившиеся «бархатной революцией» 2018 г.

Литература

1. *Атанесян А.В.* «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 6. — С. 80–98.
2. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Психология массовой политической коммуникации. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — 299 с.

3. Кавказский исследовательский ресурсный центр (Caucasus Research Resource Center — CRRC). [Электронный ресурс.] URL: <https://www.caucasusbarometer.org/en>.
4. Саркисян О.Л. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации: материалы международной научной конференции (3–4 ноября 2017 г.). — Ереван: Издательство РАУ, 2017. — С. 134–153.
5. Саркисян О.Л. Протестные движения в Армении: лидеры и технологии // IX Южно-российский политологический конвент «Лидеры, группы, массы: российская политика и вызовы современности»: материалы Всероссийской конференции с международным участием. — М.: Перо, 2019. — С. 24–29.
6. Фомин И.В., Силаев Н.Ю. Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о «Сасна Црер» // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 3. — С. 78–92.
7. Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. Armenia's Velvet Revolution: A Special Issue. — Vol. 26. — No 4. — November 2018.
8. Iskandaryan A. The Velvet Revolution in Armenia: How to Lose Power in Two Weeks. — P. 465–482 // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. Armenia's Velvet Revolution: A Special Issue. — Vol. 26. — No 4. — November 2018.